

переводчиками югославянами. Теперь, указавши попутно на недочеты словарей, составленных издателем, он несколько видоизменяет свои соображения о переводчике Амартола: возражая на появившиеся после его первого отзыва мнения о национальности переводчика (по М. Вейнгарту — болгарин, по П. А. Лаврову — чех или мораванин), он не вполне соглашается и с В. М. Истриным в степени участия нерусских людей в переводе Амартола: он полагает, что перевод делался группой («комиссией») переводчиков, в состав которой, помимо русских, переводивших более легкие места, входили и нерусские славяне; в числе последних были и чехи или мораване.

В «Byzantinico-slavica» III (1931), 1—2 и IV, I (1932) следует отметить единственную статью, имеющую прямое отношение к истории древнерусской литературы:

В. М. Истрин. Моравская история славян и история полян-руси, как предполагаемые источники начальной русской летописи (стр. 308—331 и 36—55). Статья написана по поводу исследования Н. К. Никольского «Повесть временных лет, как источник для истории начального периода русской письменности и культуры» (вып. I, 1929, изд. Акад. Наук; исследование предполагает и дальнейшие выпуски). Н. К. Никольский, как видно из его монографии,¹ подводит под текстуально-литературный анализ А. А. Шахматова работы редакторов и писцов начальной русской летописи идеологическую базу. В этой литературной работе, результатом которой является русское летописание, Н. К. Никольский видит следы борьбы двух идейных направлений: старшего, идущего еще из X в., и младшего, выработавшегося уже в XI в.; первое идет от западного славянства, второе — греческое, начавшееся в киевском Печерском монастыре и окончательно овладевшее умами. Для обоснования действительного существования этой «старшей» идеологии Н. К. Никольский строит предположение, главным образом на «умолчаниях» дошедшей летописи о тех или иных важных событиях, о существовании еще до начала того летописания, которое нам доступно, «схемы утраченных повестей поляно-руси, зависевших от западнославянской хронографии», почему и относится отрицательно к влиянию византийской хронографии на эти утраченные повести о поляно-руси и этим объясняет отличия схемы нашей начальной летописи от византийской схемы. Против этого построения Н. К. Никольского и возражает В. М. Истрин: опираясь на свои прежние исследования о возникновении русского летописания (имея в виду главным образом так наз. «Хронограф по

¹ Этот труд Н. К. Никольского был уже отмечен в *Slavische Rundschau*, IV (1931), стр. 31.